

ПОУЧЕНІЕ,

произнесенное въ Покровскомъ соборѣ, въ день поминовенія родителей и сродниковъ Святителя Іоанна Тобольскаго и всѣхъ почившихъ архипастырей Тобольской епархіи, 9 іюня 1916 года.

Дни нарочитаго поминовенія великихъ покойниковъ—это воистину великіе и самые трогательные дни въ жизни каждаго народа, для котораго многовѣковъ историческій опытъ прошелъ не даромъ, и который твердо знаетъ зиждущія силы въ своей жизни.

Совершая нынѣ съ умиленіемъ молитвенную память въ Бозѣ преставльшихся родителей и сродниковъ, а также предшественниковъ и преемниковъ по Тобольской Святительской кафедрѣ новоявленнаго Угодника Божія Іоанна Максимовича, весь православно-церковный Свято-Русскій народъ нашъ, купно съ церковію Тоболь-

скою, въ сей нарочитый день снова оглянется назадъ, на пройденную имъ дорогу, и съ незыблемою твердостію вновь засвидѣтельствуется торжественно предъ всѣмъ міромъ, что мы не сбились съ пути, что мы идемъ навстрѣчу будущему, какъ дѣти своихъ отцовъ, вѣрныя великимъ завѣтамъ многовѣковой своей исторіи.

Нынѣ, когда на церковномъ небосводѣ ярко возгорѣлась новая звѣзда—Святитель Христовъ Іоаннъ, духовному взору нашему словно еще отчетливѣе предносится свѣтосіянное созвѣздіе путеводныхъ духовныхъ свѣтилъ, по духу и времени земного странствованія Угодника Божія Іоанна весьма близкихъ и сродныхъ ему: Митрофанъ, Θεодосій, Димитрій, Иннокентій, Іоасафъ, Тихонъ...

Святость лучезарныхъ свѣточей нашей отечественной вѣры православной, подобно свѣту небесныхъ свѣтилъ, можетъ любовно, благоговѣнно и внимательно созерцаться всѣми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ и отовсюду: какъ съ высоты научнаго изученія, такъ сугубо и изъ темныхъ глубинъ простонароднаго разумѣнія, и во всеоружіи теоретическихъ познаній, и еще лучше—въ простотѣ сердечной вѣры.

Не пора ли міру, наипаче же всѣмъ безъ исключенія чадамъ Святой Руси, познать, что именно въ дорогихъ сердцу завѣтахъ и въ притрудномъ подвигѣ русскихъ святыхъ всецѣло заключаются тайны не только русской святости и праведности, а—скажемъ безъ колебанія!—тайны всей русской жизни: тайны ея испытаннаго вѣками государственнаго и общественнаго уклада—тайны ея возвышенной философіи и свѣтлой морали, тайны ея самоотверженныхъ военныхъ устремленій и идейной литературы, тайны ея упованій и совѣсти.

Весь этотъ заповѣдный для православно-русскаго гражданина міръ великихъ историческихъ цѣнностей въ цѣломъ не можетъ быть понятъ, а, слѣдовательно,—не можетъ быть и оцѣненъ по достоинству внѣ этихъ драгоцѣнныхъ завѣтовъ и достолюбезнаго подвига русскихъ святыхъ.

Не присуще ли воистину Свято-Русскому царству приточное евангельское уподобленіе Царствія Божія тому доброму, многовѣтвистому и плодоносному древу, которое неизмѣнно приноситъ добрые плоды?

Во благовременное себѣ назиданіе изъ вдохновенно-поучительныхъ твореній Святителя Христова Іоанна почерпнемъ одно весьма

яркое показаніе всеобъемлющаго творческаго Свято-Русскаго генія и примемъ сіе показаніе нынѣ и впредь за совершенно безошибочный символическій образъ великаго православно-русскаго народа.

„Разсказываютъ“, пишетъ Угодникъ Божій Митрополитъ Іоаннъ: „о горѣ Олимпѣ, находящейся на границахъ Македоніи и Греціи, что она самая высокая гора и такъ возвышена надъ поверхностію моря, что никогда не достигаютъ ея вершины ни вѣтры, ни дожди, ни снѣга; все это стало извѣстно только по тщательнымъ изслѣдованіямъ естествоиспытателей, которые для достиженія вершины этой горы изобрѣтали разныя средства для доставленія себѣ свободнаго дыханія на высотахъ сей горы, напр., употребляли мокрыя губки для освѣженія ноздрей и другія средства употребляли для сгущенія воздуха въ своемъ путешествіи на гору; достигши же вершины, дѣлали на песокѣ различныя надписи; на другой годъ, взойдя на гору, находили и по истеченіи годичнаго срока, ни мало не поврежденными, какъ теперь только написанными отъ нихъ, и это служить вѣрнымъ доказательствомъ, что тамъ нѣтъ мѣста ни вѣтру, ни дождевымъ или снѣжнымъ бурямъ и возмущеніямъ“.

„Гора эта“, продолжаетъ Святитель Іоаннъ: „можетъ служить эмблемою жизни человѣка-христіанина, достигшаго совершеннаго самоотверженія, т. е. всецѣлаго преданія себя волѣ Божіей: какъ на Олимпѣ нѣтъ мѣста ни бурямъ, ни нападеніямъ звѣрей и другимъ опасностямъ; такъ и человѣкъ, достигнувшій *всеуправляющей* высоты воли Божіей, пребываетъ невозмутимо въ тишинѣ и мирѣ; облака печали ниже его, въ сердце его постоянно пребываетъ тишина и сладкое упокоеніе въ единой волѣ Божественной. Въ мирѣ, въ согласіи, тамъ, гдѣ нѣтъ ничего противодѣйствующаго одно другому,— заключается полное совершенство, а потому миротворцы и названы въ Евангеліи сынами Божіими, ибо нѣтъ въ нихъ ничего такого, что сопротивлялось бы Богу, и во всякомъ случаѣ сыны должны имѣть подобіе отца (т. е. Бога). И такой-то миръ дается людямъ благословеннымъ отъ Бога, это жизнь праведника. Справедливо изреченіе св. Дорофея: „Сердечно исполняющій евангельскую заповѣдь о самоотверженіи и преданіи себя совершенно волѣ Божіей ѣдетъ по пути жизни какъ бы въ каретѣ съ различными жизненными крестами (тягостями) своими, а другіе, не знающіе силы полнаго самоотверженія, тащатся пѣшкомъ и несутъ на себѣ свои тяжелые кресты по различнымъ распутіямъ жизни или съ трудомъ,

или съ ропотомъ“ (Иліотропіонъ, Кіевъ 1896; кн. III, отд. 2 стр. 217—218).

Такова эмблема жизни самоотверженнаго человѣка-христіанина, невозмутимо мирствующаго въ себѣ, таковъ же подлинно образъ всего православно-русскаго царства въ приведенномъ начертаніи Святителя Божія, который самъ глубоко воплотилъ въ жизненномъ подвигѣ своемъ всецѣлую преданность любви, премудрости и все-благой волѣ Вседержителя, и который нескудно за то воспріялъ возжелѣнное блаженство въ обителяхъ рая.

Но продолжимъ еще нѣсколько далѣе наставленіе Святителя-праведника.

„Истое, сердечное подчиненіе себя волѣ Божіей во всѣхъ происшествіяхъ, бывающихъ съ нами въ жизни, доставляетъ дѣйствительно чувство пребыванія на небѣ намъ, сущимъ внѣ неба. Оно есть первое и глубочайшее основаніе любви разумнаго творенія къ Творцу своему Богу. Кто бы ты, читатель, ни былъ, говоритъ Святитель Христовъ Іоаннъ Гобольскій: если ты все пріятное и непріятное, встрѣчающееся тебѣ въ жизни по волѣ или допущенію Божію, принимаешь съ благодарнымъ сердцемъ, какъ бы отъ руки Божіей, то ты *блаженъ еси и добро тебѣ будетъ* (Пс. СХХVII, 2), ты любовью своею прилѣпляешься къ Богу, съ Которымъ вездѣ райское блаженство: *и бысть въ мирѣ мѣсто ея и пребывать въ Сіонъ*“ (Пс. LXXV, 3).

Вотъ идеаль, вотъ путь къ нему, вотъ польза слѣдованія по сему пути! Это не заоблачный, мечтательный и неосуществимый идеаль. Такъ можно жить потому, что такъ жили святые. По образу святыхъ жить можно не только епископу, сановнику, ученому профессору или богослову, но всякому человѣку, какъ бы простъ и бѣденъ онъ ни былъ. Въ царствѣ любви и свободы—всѣ свободны.

Черезъ жизнь русскихъ святыхъ, черезъ ихъ земные подвиги, черезъ живое общеніе съ ними всего русскаго церковнаго народа послѣ ихъ кончины, черезъ признанія ихъ святыми по совѣсти всѣхъ вѣрующихъ,—внимательному и благочестивому взору открывается міръ вѣчной незыблемой правды, зиждительной любви, творческаго подвига, великихъ дѣлъ духа и свободы.

Святителю Христовъ Іоанне! Дерзновеннымъ твоимъ представительствомъ предъ Вседержителемъ нашимъ Богомъ испроси вѣчный покой благочестивымъ родителемъ твоимъ по плоти и всѣмъ срод-

никомъ твоимъ, въ Бозѣ преставльшимся, споспѣшествуй мирному и блаженному упокоенію разновременныхъ соработниковъ твоихъ на необъятной духовной нивѣ Сибирской церкви—усопшихъ іерарховъ Тобольскихъ и Сибирскихъ, молитвенно сохрани въ мирѣ возлюбленнаго Императора нашего и весь Царствующій домъ, воздвигни благодатною, пренебесною твоею силою несокрушимый на вѣки стягъ побѣды на враговъ, неисходно поражая ихъ „въ любодружномъ благомъ единствѣ“ твоемъ съ мощнымъ сонмомъ святыхъ—твоихъ по землѣ и по небу соотечественниковъ. Аминь.

Протоіерей *Валентинъ Марсовъ.*